

AMORE

ЗАРУБЕЖНЫЕ РОМАНЫ О ЛЮБВИ

ДЖУЛИЯ ГРЕГСОН

ЖАСМИНОВЫЕ НОЧИ



Москва
2015

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г79

Julia Gregson
JASMINE NIGHTS

© Julia Gregson 2012. This edition is published
by arrangement with Aitken Alexander Associates Ltd,
and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского *И. Гиляровой*
Художественное оформление *П. Петрова*

Грегсон, Джулия.
Г79 Жасминовые ночи / Джулия Грегсон ; [пер. с англ.
И. Гиляровой]. — Москва : Издательство «Э», 2015. —
576 с. — (Амоге. Зарубежные романы о любви).

ISBN 978-5-699-78891-0

Ах, какие красивые ночи в Каире! Ночное небо усыпано золотыми звездами, тонкий аромат жасмина, словно дурман, наполняет улицы, а где-то вдалеке едва слышно, как красавица Саба напевает мотив арабской песни своему возлюбленному. Только Саба знает, что эта ночь может стать для нее последней... Ведь именно ей, солистке военного оркестра, предстоит выполнить задание, которое повлияет на исход Второй мировой войны. Вот только хватит ли смелости, чтобы пойти на огромный риск?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-78891-0

© Гилярова И., перевод на русский язык,
2013

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Глава 1

*Тестимонь Королевы Виктории.
Ист-Тринстед*

1942 год

.....

Э то была всего лишь песня... Так он подумал, когда певица надела шляпку и ушла, оставив после себя легкий запах свежих яблок. Ничего больше, только песня и смазливая девчонка...

Впрочем, благодаря той девчонке он перестал видеть неприятные сны, терзавшие его так долго. И это самое хорошее, что случилось с ним за последнее время.

В первом сне он прыгал с парашютом где-то в Суффолке. До земли оставалось три с половиной мили¹. Он вцепился в стропы парашюта и орал, бился в панике, потому что понимал, что не сумеет благополучно приземлиться. Он несся к земле, легкий, невесомый, как пух одуванчика или мертвый мотылек. Вот уже видна ярко-зеленая трава, такая мягкая и манящая, все ближе и ближе... Иногда в этом сне появлялась незнакомая женщина; она смотрела на его падение, разинув рот, или махала рукой, а потом ее уносил порыв ветра.

В другом сне он снова летел в своем «Спитфайре»². Рядом с Джеко. Поначалу холодный, чистый воздух, пронизанный солнечными лучами, казался ему приятным, но вскоре, в ми-

¹ Приблизительно 4,8 км.

² «Супермарин Спитфайр» — один из лучших британских истребителей времен Второй мировой войны.

нугу ужасной, до тошноты, паники, веки смыкались, словно их сшили нитками, и он переставал что-либо видеть.

Он никому не рассказывал про свои сны. Все считали его счастливым — еще бы, он вот-вот поедет домой, после четырех месяцев, проведенных здесь, среди темных коридоров и непрерывных стонов. Многим было хуже, чем ему. Каждый день санитарные машины привозили все новых и новых покалеченных, обгоревших летчиков, подобранных на восточном побережье.

Их палата размещалась отдельно от основного здания госпиталя, в длинном и узком строении. В центре палаты стояли пузатая печка, стол и пианино с двумя медными подсвечниками. Вдоль стен — двадцать коек.

В палате витал запах несвежей одежды, невымытых мужских тел, едкой мочи, смерти — стариковский запах, хотя почти всем раненым летчикам было чуть больше двадцати лет. В дальнем конце палаты лежал Стоуртон, пилот из Норт-Уилда, летавший на «Харрикейне»¹. Он ослеп пару недель назад. Его девушка приходила к нему каждый день и помогала осваивать азбуку Брайля. Соседом Доминика (или попросту Дома, как его называли приятели) был краснолицый Сквик Таунсенд, пилот истребителя, хохотавший по любому поводу и без него. У него не раскрылся парашют, и Сквик при неудачном приземлении сломал позвоночник. Несколько дней назад он признался Дому, что теперь и близко не подойдет к самолету.

Да, Доминик понимал, что ему повезло. Он летел на «Спитфайре» над пестрым лоскутным одеялом полей на

¹ «Хоукер Харрикейн» — британский одноместный истребитель времен Второй мировой войны, разработанный фирмой Hawker Aircraft Ltd. в 1934 году.

высоте 20 тысяч футов¹, когда взорвались топливные баки. В считанные мгновения его кокпит превратился в пылающий факел. Дому обожгло лицо и руки — по словам хирурга, типичные травмы летчиков-истребителей. Но он все-таки сумел открыть фонарь кабины, нащупал ярко-зеленое кольцо, раскрывшее парашют, целую вечность болтался в воздухе и в конце концов с криками и проклятиями упал на стог сена, сложенный трудолюбивым суффолкским фермером.

На прошлой неделе доктор Килвертон, новый пластический хирург, ездивший по госпиталям, осмотрел обоженную правую половину лица Дома.

— Превосходно. — Налитый кровью глаз Килвертона смотрел в микроскоп на то место, где на ожог была наложена заплата из кожи, срезанной с ягодицы Дома. — Через шесть-семь недель все полностью приживется, и ты будешь здоров. Хорошая у тебя кожа, — похвалил он. — Ты сам из Средиземноморья?

— Моя мать оттуда, — процедил Дом сквозь сжатые зубы. Килвертон в это время сдирал с его щеки старую кожу. — Она французенка.

— А отец?

«Хоть бы он заткнулся, этот лекарь, — подумал Дом. — Боль легче переносить без этой светской болтовни».

— Он англичанин.

— А где ты летать учился? Наклони, пожалуйста, голову. Вот так. — Перед глазами Дома маячил вздернутый нос доктора.

— В Кембридже, при университете. В авиационном отряде.

¹ Приблизительно 6 км.

— А-а. Мой отец когда-то тоже там летал. Ему очень нравилось.

— Угу.

Потом Килвертон что-то говорил о мышечном тонусе и о том, что на стороне его пациента молодость. Он снова повторил, что Дому здорово повезло.

— К тебе скоро вернутся прежнее лицо и прежняя улыбка, — пообещал он, словно улыбку тоже можно было пришить на лицо, как новую кожу.

Слушая его, Дом вновь испытывал кошмарное ощущение, будто он плавно парит над своим телом, видит внизу приветливые лица, но не в силах подлететь к ним ближе. После травмы внутри его поселилась новая личность, собранная из осколков прежней. Она курила, ела, шутила и даже отпускала циничные остроты, но ощущала себя мертвой. На прошлой неделе доктора уговорили его прокатиться на мотоцикле. Было воскресенье. Он сидел на лужайке возле бара «Маки Дак», глядел на свою руку, державшую пивную кружку, и она казалась ему чужой.

В первые недели, оставшиеся в его памяти как череда капельниц, кислотных ванн и перемещений на каталке, его единственной целью было не опозориться, не проявить свою слабость, не разреваться. Еще в санитарном автомобиле, увозившем его от тлевшего стога сена, он, полностью ослепший, ухитрялся заигрывать с сестрой милосердия, интересовался, красивая ли она.

Позже, в госпитале, он заключил сам с собой сделку: он не станет отрицать физическую боль, которая была постоянной, жгучей и временами такой сильной, что даже удивительно, как такое возможно. Но на людях он ее не

показывал. Если кто-то интересовался его самочувствием, он отвечал: «Все нормально».

По ночам, в относительном покое, выныривая из морфийного дурмана, он размышлял о природе боли. Зачем все это? Как справляться с этим? Почему его спасли, а других нет?

Спустя месяцы, когда его руки более-менее зажили, он начал делать записи в своем дневнике, который прислала ему мать. Про Джеко и Коубриджа, погибших в тот день. Написал, но так и не отослал письмо Джил, невесте Джеко. Писал письма своим родителям, предупреждая их, что опять будет летать, как только поправится.

И вдруг вот эта девчонка.

Когда в тот вечер она вошла в палату, больше всего его поразил ее юный вид и одухотворенный, полный надежды взгляд. Лежа на своей койке, Дом жадно пожирал глазами все мелочи в ее внешности.

На ней было приталенное красное платье в белый горошек и черная шляпка с нелепой старомодной вуалью; она выглядела словно пятилетняя девчушка, добравшаяся до нарядов матери. На взгляд Дома, ей было года двадцать два, не больше.

Под шляпкой он разглядел прядь блестящих черных волос. Еще ему сразу понравились ее полные губы и большие карие глаза.

Она остановилась возле пианино и тележки с полками, где хранились ножницы и перевязочный материал. То ли ангел, то ли чертенок. С ее лица не сходила радостная улыбка, словно наконец-то сбылась ее давняя мечта. «Что ж, высокий класс, держит себя профессионально», — подумал Дом, пытаясь сохранить здоровый цинизм.

С сильным акцентом — валлийским, итальянским? — она сообщила, что ее зовут Саба Таркан, что она приехала вместо певицы Дженис Софи и надеется не разочаровать слушателей. При этом она посмотрела в сторону Дома — или ему показалось? — словно подтверждая свои слова.

Толстый человечек в хаки, ее аккомпаниатор, тяжело сел за пианино и заиграл. Она слушала его, чуть покачиваясь, потом на ее лицо снизошел покой, и она запела про лиловые ночи, мерцающие звезды и про девушку, шепчущую имя возлюбленного.

Дом изо всех сил старался не подпускать ее к себе, отгородиться, но песня все равно плыла к нему из темноты. Голос девушки звучал так задушевно и печально, а сам он так давно не испытывал влечения к женщинам, что его захлестнула волна облегчения. «Сквозь туман памяти ты возвращаешься ко мне»¹. Ведь теперь он столько всего скрывал: свой страх остаться с обезображенным лицом, свой стыд из-за того, что его друзья погибли, а он жив. Потом его разобрал смех, ведь «Темно-фиолетовые сумерки»², пожалуй, не самый подходящий выбор для их палаты. Многие парни покраснели от смущения: генциановым фиолетовым антисептиком врачи мазали ожоговых пациентов, после того как те принимали ванну с дубильной кислотой.

На середине песни певица смутилась, словно осознав свою ошибку, но допела до конца и потом не стала извиняться. Дом мысленно одобрил ее — меньше всего

¹ «*Through the mist of a memory you wander back to me*» — популярная строка из песни «Deep Purple».

² Песня «*Deep Purple*», автор — пианист Питер ДеРоса.

им требовались сочувствие и особые песни, щадящие их чувства.

Когда она замолкла, он заметил бисеринки пота на ее верхней губе и влажные пятна под мышками. В их палате было всегда очень жарко.

Потом она спела «Мне хочется любить»¹. Кертис, паршивец, крикнул ей:

— Глянь в мою сторону, детка! Не пожалеешь!

Дом нахмурился и мысленно повторил *Саба Таркан*, чтобы запомнить ее имя.

— Еще две песни — и хватит. Пора спать, — сказала сестра милосердия Моррисон, рослая толстуха, и постучала ногтем по циферблату своих наручных часов.

Дом с облегчением перевел дух — слишком много впечатлений. Все равно что ты голодал целый год, а потом съел обед из десяти блюд.

Но Саба Таркан не послушала сиделку, сняла шляпку и положила ее на пианино, словно давая понять: «Я останусь, пока не закончу свою программу». Дом опять одобрил ее. А она откинула прядь волос с разгоряченной щеки, что-то быстро сказала пианисту и унесла Дома на край самообладания, когда запела «Они мне не верили»². Аннабел любила эту песню и, когда они гуляли, держась за руки, тихо напевала ее. В те дни он не сомневался, что у него есть все необходимое для счастья: упоительные полеты в небе, Кембридж, любимая девушка... Да и другие девушки тоже... Когда по его фиолетовой щеке поползли слезы, он отвернулся, злой и сердитый.

¹ Песня «*I'm in the Mood for Love*», автор Брайан Ферри.

² Песня «*They Didn't Believe Me*», автор Фрэнк Синатра.

Высокая, белокожая Аннабел, эфирное создание с длинными светлыми волосами и милой улыбкой, знала себе цену. У нее были и соответствующие родители: отец — судья в Высшем суде, мать — преподаватель в университете. Поначалу Аннабел, как подобает христианке, исправно навещала его в душной, вонючей палате, с влажным от испарины лбом читала ему вслух умные книги, нервно косясь на других ожоговых раненых.

— Я больше так не могу. Оказывается, я недостаточно сильная, — сказала она через две недели и жалобно всхлипнула. — Да и тебя я не узнаю. Это не ты. И мне тут страшно. — Она посмотрела на раненого парня с соседней койки. Половина его лица и шеи, до самой груди, напоминали грубую поверхность слоновьего хобота.

— Прости. Мне ужасно жалко, — нежно прошептала она, уходя, и ее круглые голубые глаза наполнились слезами. — Давай останемся друзьями.

Она была не первой девушкой, опрометью сбежавшей из этой страшной ожоговой палаты, и не последней. «Поразительно, как легко может выжать слезу дешевая музыка». Что-то в этом роде, циничное и шутовское, он мог сказать когда-то, оправдывая свои эмоции. Недаром в Кембридже пользовалась популярностью его имитация скетчей Ноэла Кауарда¹. Но сейчас дело было не только в бросившей его возлюбленной. Он потерял все, даже всякие дурацкие мелочи, — пожалуй, это и было большее всего.

Сверстники из его круга целыми днями валялись на диване с сигаретой и дешевым шерри, элегантно скучали

¹ Сэр Ноэл Пирс Кауард (1899–1973) — английский драматург, актер, композитор и режиссер.

и дико восторгались Чарли Паркером¹, или Эзрой Паундом², или Элиотом³ — в зависимости от того, что их забавляло. Какими наивными юнцами казались они теперь, спустя какой-то год... Первые головокружительные дни вдали от дома, не иссякавший поток хороших студентов в их комнатах в кампусе — только выбирай... Он пытался быть великодушным к Аннабел и заявил после ее слезного признания, что он все прекрасно понимает, ничуть не осуждает ее. Говоря по правде, он всегда испытывал ощущение вины перед ней, потому что не любил ее так же сильно, как она его, и, как говорится, она была для него не «та самая, единственная». Вокруг было много других, не менее привлекательных девчонок.

Напротив него в отделении жил Сметрен; его комната была знаменита царившим в ней хаосом. Он погиб два месяца назад. Клэнси, его лучший друг, тоже фанат авиации и умнейший парень, был сбит над Францией за месяц до своего дня рождения. Ну и, конечно, Джеко... За год все переменилось. Тот парень, каким Дом был прежде, никогда не смог бы даже представить себе ничего подобного — что он будет лежать на койке в пижаме в 8:30 вечера и отчаянно сдерживать слезы, чтобы не опозориться перед красивой девчонкой. И ведь без какого-

¹ Чарли Паркер (1920–1955) — американский джазовый саксофонист и композитор, один из основателей стиля бибоп. Один из самых влиятельных музыкантов в истории джаза, чей талант ставит его в один ряд с такими мастерами, как Луи Армстронг и Дюк Эллингтон.

² Эзра Уэстон Лумис Паунд (1885–1972) — американский поэт, один из основоположников англоязычной модернистской литературы.

³ Томас Стернз Элиот (1888–1965) — американско-английский поэт, драматург и литературный критик.

то особенного повода, только из-за глупой песенки. Дом больно прикусил губу: из-за пары простеньких аккордов, да еще умело подобранных слов. Из-за нехитрой песенки.

Звяканье склянок, перестук колес тележки. Сестры развезли лекарства, которые нужно принять на ночь. Они погасили верхний свет и разожгли бойлер в середине палаты.

Пианист уже убрал ноты, а на голове девушки снова была смешная шляпка с вуалью.

— Последнюю, — сказала певица и запела без музыки, сильным и чистым голосом, серьезно и старательно, «Туман застилает твои глаза»¹.

Потом она обошла раненых, желая всем доброй ночи.

Пожелала доброй ночи Уильямсу, у которого обе ноги были на растяжке, и слепому бедняге Билли в конце палаты, и Фартингейлу, который пойдет завтра в театр, а потом ему опять зашьют веки. Казалось, ее вовсе не пугали их раны. Но, может, она просто была специально натренирована?

Когда она подошла к Дому, проклятый идиот Кертис крикнул:

— Давай, красотка! Поцелуй его на ночь!

Дом отвернулся, но девушка нагнулась к нему, так близко, что он почувствовал щекотанье ее волос, увидел нежную кожу в вырезе красно-белого платья. От нее пахло свежестью, молодостью, а еще яблоками.

Она поцеловала его в щеку, и он буркнул, пытаясь защититься от ее обаяния:

— Если бы ты знала, откуда взята эта кожа, ты бы не стала ее целовать.

¹ «*Smoke Gets in Your Eyes*», автор музыки — Джером Керн, текст песни Отто Харбака.

Она снова наклонилась и прошептала ему на ухо:

— Откуда ты знаешь, глупый?

После ее ухода он долго не мог заснуть и все думал о ней. Его сердце сжималось от восторга. Он представлял, как мчится летним днем на мотоцикле, а она сидит за его спиной. Как потом они вместе сидят возле таверны, смеются и подшучивают друг над другом. На ней голубое платье, и над их головой самое обычное небо, а не то страшное, с которого он падал с отчаянным криком в горящем «Спитфайре».

Глава 2

Сент-Брайвелс, Глостершир

.....

«Дорогая Саба Таркан...» — первую попытку написать письмо, которое он иронично окрестил «письмом поклонника», он предпринял в Уилтшире, в военном санатории «Рокфилд-хаус». Оно получилось слишком сухим и фамильярным и угодило в корзину. Адрес он выведал у сестры милосердия, отвечавшей за культурную программу для раненых; она обещала передать письмо «в нужные руки».

«Дорогая Саба, мне хочется выразить свое восхищение тем, как замечательно ты пела в госпитале Королевы Виктории...» Ох, еще хуже! Будто его писал, глотнув портвейна, какой-нибудь престарелый поклонник примадонны, подстерегающий ее у служебного выхода. Проклятье! Черт побери! И этот листок оказался в корзине. Прежде чем писать ей, он ждал шесть недель, рассчитывая вернуться в более-менее приличную форму.